

В. Никитин

ГЛОБАЛЬНОЕ – ЭТО ЛОГИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНОЕ ЦЕЛОЕ

Этот очерк проблем и тенденций глобализации написан для украинского популярного издания, но я счел возможным предложить его «Кентавру» как контекст к нескольким методологическим вопросам, без подобного текста повисающих в воздухе.

ГЛОБАЛЬНОЕ И СПОСОБНОСТЬ К ТРАНСФОРМАЦИИ

Глобализация, – образование новых форм связности человечества в глобальных масштабах, – уже многими волнами прокатывалась по миру. Следы этих волн – Великого переселения народов, Эпохи великих географических открытий, индустриальной революции или Третьей волны технологизации – образовали каркас европейского понимания истории. То, что эти волны несли не только благо, но и разрушения, вели к исчезновению народов, стран и культур – общеизвестно.

Не будет исключением и нынешняя волна. Глобализация – весьма опасный процесс для тех, кто вольно или чаще невольно в него вовлечен. Основная опасность характеризуется пословицей «в чужом пиру похмелье».

Многие политики и эксперты сходятся на том, что существующая политика регулирования процессов глобализации не соответствует возникающим в ходе ее проблемам – напротив, она может создавать или акцентировать многие из них.

Проявлениями этого несоответствия являются:

- возрастание разрыва между богатыми и бедными странами;
- сокращение процентного веса (по отношению к уровню доходов) помощи богатых стран бедным;
- более жесткие условия эмиграции в развитые страны и рост нелегальной эмиграции;
- протекционизм товарам развитых стран, создание барьеров для товаров из других стран;
- отставание бедных стран в возможности заимствовать технологические достижения богатых;
- сокрушительное влияние финансовых кризисов на страны с недостаточной развитой экономикой;
- все более массовые выступления антиглобалистов;
- рост ксенофобии, национализма, расизма и тенденций противопоставления религиозного фундаментализма либеральным и демократическим идеям и институтам.

-
- Родился в Украине 26 мая 1946 года и является убежденным киевлянином. Первая и главная интеллектуальная любовь в жизни – архитектура, через нее понимает мир. В методологическом движении с 1978 года. Зарабатывает деньги организационными исследованиями, консультациями и проектами.
  - В настоящее время – зам. директора по развитию Международного центра перспективных исследований (направление работ – принятие политических решений в условиях легитимности многих интересов)
  - Автор многих статей и нескольких книг по теории архитектуры и градостроительства, методологии, культурологии, образованию и публичной политике. Для себя и своих друзей опубликовал две книги стихов. Кандидат архитектуры, доктор культурологии.

Понимание «глобализации» как приобщения «отсталых» стран к сообществу «развитых» и вызывает перечисленные негативные явления. На деле же мы имеем дело с формированием принципиально нового мира, с иными ценностями, формами взаимодействия и логикой самоопределения. Понимание этой логики означает возможность для Украины определить путь движения к глобальному миру и свое место в его строительстве.

Вообще, вероятно, наступает необходимость отказаться от применения к разным странам или культурам критерия «развитости». Этот критерий построен на представлениях одной и небольшой части носителей культур и ценностей и выстраивает несводимое и несоизмеримое в единый ряд. В итоге то, что не соответствует критерию развитости обесценивается и исчезает.

У народа Украины есть устойчивая характеристика, которая является его большим достоинством и одновременно недостатком – неприятие крайностей, стремление придерживаться некоторой середины. Однако в современном мире – об этом пишет, например, Олвин Тоффлер, – базовой характеристикой, которая определяет будущее место тот или иной страны в глобальном мире, является способность к переменам. Тоффлер делит все страны на «быстрые» и «медленные», и утверждает, что именно между ними будет пролегать все более растущая пропасть в уровне благосостояния.

Трудно ожидать, чтобы Украина резко изменила свою базовую характеристику и внезапно обрела вкус и способность к быстрым изменениям. Однако, я считаю, что обрести возможность к локальным прорывам она может, но для этого надо допустить некоторые крайности при сохранении общей «серединности», видя в этом не недостаток, а основной ресурс развития. Причем различие по уровню доходов имеется в виду отнюдь не в первую очередь.

Сегодня можно сказать, что у Украины хорошие перспективы в обеспечении стабильности; начались системные изменения в работе центральных структур государственного управления. Но у нас пока катастрофическое положение с системой образования и реализацией программ модернизации.

Современная система образования в Украине и сегодня, и в будущем, судя по программным документам, жестко стоит на идее обеспечения некоторого среднего и унифицированного уровня образования. Другими словами, все усилия направлены на то, чтобы сохранить некий общий нижний уровень.

Полагаю, что образование – единственный реальный ресурс глобализации для Украины, но мы его стремительно теряем. Не потому, что не проводим кардинальных и

всеобщих реформ – такие реформы могут только разрушить то, что есть, и не создать ничего взамен, так как нет соответственной социальной поддержки,

ГЛОБАЛЬНОЕ И КОЛИЧЕСТВО. ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ЧИСЛА

Ужас катастрофы 11 сентября сегодня пытаются рассмотреть и как знак наступления новой эпохи. Кошунственное сравнения количества жертв и «адекватности» ответных ударов заставляет задуматься о гибели или возможности возрождения идеи **неизмеримости** в человеческом мире.

Есть то, что нельзя и не надо измерять. На бытовом языке старых как мир коллизий – не все можно измерить, например, деньгами и купить. Привычные выражения «безмерная скорбь» или «бесценный вклад» – это не преувеличения, а точные фиксации пределов возможности измерения.

Думаю, судьба мира во многом связана с возможностью преодолеть гипноз цифр. Измерение количеств и цифры, которые его представляют, стали настоящей религией стран, поместивших себя в поле бесконечных сравнений через подсчет произведенного или проданного.

Современная политика надстроена над финансовой системой, и ее обслуживает. А человечество не придумала более мощного механизма измерения и гомогенизации человеческих отношений чем деньги. Этот механизм позволил сделать большую часть мира единым целым, но его возможности стали и источником самой, думаю, большой из известных и реальных опасностей его самоуничтожения в «культурной энтропии». Я имею в виду исчезновение в процессах обретения человеческим миром однородности потенциала развития или возможности быть разным, понимать и ценить разное и иное.

Только сейчас я стал понимать, что двигало Лютером в его противопоставлении своих убеждений привычному уже ходу вещей в мире всевластной тогда католической церкви. Божью благодать и прощение нельзя измерять в человеческих вещах обмена – деньгах. Изобретение индульгенций стало реальным шагом к всевластию финансовой системы и той науки, которая опирается на статистику и идею измерения.

В фундаменте современной демократии лежит соотношение количеств голосов избирателей, а результатом является постепенное движение к власти идей и вкусов среднего «маленького» человека.

Однако на всякое действие должно или может (в мире науки и этики недавней эпохи – должно, а мире

разработанных стратегий, кадров и финансов. А потому, что не даем создать рядом другую систему образования, и через ее становление произвести нужные изменения.

современном – может) найтись соответствующее противодействие.

Миру количества и вероятности стал противопоставляться мир возможностей.

Вероятность измеряется числом и служит сегодня мерилом успеха и избранности. Со всех сторон звучат искушения принять участие в вероятностных играх и выиграть, выиграть свой успех, опять же представленный через магический миллион.

Макс Вебер объяснял успех американского капитализма характером протестантской этики: если твой труд успешен – ты избран Богом, а если нет – то отвержен. Но сегодня уже и трудится не надо – есть вероятность выиграть и стать избранныком в глазах миллионов телезрителей.

Идея возможности противостоит идеи вероятности тем, что течение событий и наш выбор определяется волей и знанием, а не измерением вероятности события. Возможность определяет выбранную стратегию вопреки вероятности.

В современной политике развитых демократий уже наметились пути к избавлению от диктата количества – учет всего спектра интересов различных групп при подготовке и принятии решений. Интерес даже маленькой группы приобретает в идеале вес и значение такое же, как и большой группы.

Процесс глобализации по-прежнему стремятся измерить в цифрах и регулировать, употребляя статистику. Правда, формируется новая традиция оценивания – в индексах конкурентоспособности или человеческого капитала, в которые входят, например, оценки уровня или перспектив образования, успешности государственного управления, которые очень трудно прямо выразить цифрами непосредственных измерений. Но все чаще к философам, политикам и исследователям приходит мысль о иной основе взаимодействия.

Это первая проблема глобального мира – найти путь отказа от доминирования количества. Если этого не произойдет, неравенство будет нарастать и без ответа остается вопрос, зачем странам с уникальной культурой или природой, но бедным в измерениях ВВП, входить в этот мир с заранее преддetermined судьбой отстающих?

ГЛОБАЛЬНОЕ И МАССОВОЕ. В ЧЕМ ДОМИНАНТА ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ?

Современная технологическая культура вся построена на смешивании, а изготовление культурных коктейлей (микшером) из исходных текстов и образов есть предельное проявление этой культуры. Она является наряду с деньгами (или благодаря их активной роли) другим мощным фактором движения мира к однородности.

Массовая культура началась с энциклопедистов, когда знания стали переводить в доступную для широких масс форму. Идея **доступности** является основой массовой культуры. Другой стороной массовой культуры является культура профессионалов: доступ в профессиональное сообщество намеренно затруднен, но вполне достижим через систему достаточно открытого профессионального образования. (Ведь, например, в культуре сословий преодолеть границы сословий практически невозможно.)

У нас под массовой культурой принято понимать ее

вырожденные формы – американизированную кинопродукцию, поп-музыку... Это действительно проявление массовой культуры, но это пена, а основой ее является доступность и унификация деятельности. В итоге массовая культура усилиями профессионалов породила умение работать по стандарту и переросла в технологическую культуру.

Но ни в России, ни в Украине по стандартам работать так и не научились, а сдвиг в мир технологий происходит очень медленно. Этап массовой культуры нами пройден еще не до конца. В нашей школе умение работать со стандартами не ставится – мы все больше напирем на воспитание творческой личности. В итоге – ни творчества, ни культуры: ведь стандартность процедур и операций изготовления и пользования становится основой многообразия и индивидуализации в современной

технологической культуре.

Теперь мы находимся в ситуации, когда массовая культура является в мире уже «отработанным материалом» и на столкновении технологий и местных традиций начинается формироваться глобальная культура, построенная на иных принципах, чем массовая. Их еще пока мало кто реализует, но уже возникает система ценностей, в которой эти принципы начинают жить.

Принципом глобальной культуры, я полагаю, является принцип соотнесения и сохранения разного. Способом ее реализации становится сохранение традиции или осуществления свободы творчества на фоне и за счет стандартов отношения к ним в процедурах коммуникативных, информационных или образовательных технологий.

Оказалось, что массовая культура испортила очень много ресурсов, то есть сделала доступным через свои механизмы накопленные тысячелетиями богатства, превратив иное – в сравнимое, положенное рядом, и тем самым разное сделала подобным и в пределе – равнозначным. Но развитие основывается на ресурсах разного, на дифференцированности. Современное западное общество теряет ресурс развития, поэтому начинает выдвигать идею разного (через экологию, культурную антропологию...) как способ сохранения ресурса.

В Украине принят закон о создании фонда диких растений (идея Вавилова): оказалось, что культурные растения вырождаются лет за 50-80, им нужна подпитка дикими сортами для восстановления исходных качеств.

Так и современный мир требует для развития сохранения многих исходных культурных форм – и оценка необходимости такого сохранения не измерима ни деньгами, ни затратами труда. Но сама деятельность сохранения базируется на международных стандартах – и это современный культурный парадокс: необходимо преодолеть, «снять» стандартность на движении к уникальности.

Проблемой сохранения разного является исчезновение границ между странами, философиями, религиями, культурами, внутренним и внешним. Идея всеобщей

ГЛОБАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

На Западе в последние годы сложившуюся ситуацию многочисленных конфликтов, например, на Балканах или Ближнем Востоке, рассматривают в рамках парадигмы борьбы цивилизаций. Цивилизация при этом определяется как некая историческая общность – мусульманская, христианская и т.п. Но можно предположить, что конфликты возникают между формами организации общества, формами жизни в обществе, которые по разному акцентированы в различных цивилизациях. Однако, для целей анализа необходимо по-разному выделять единицы и принципы устройства общества, так как те единицы, которые работали в анализе экономическом или хозяйственном, уже слабо работают в анализе устройства глобального мира.

Поэтому я делаю попытку задать другой принцип социального анализа, построенный на выделении базовых процессов и организационных форм. Безусловно, эта типология построена на идеях многих методологов и философов, разработывавших организационный подход к анализу общества, от Дионисия Ареопагита и Луки Пачолли до А. Зиновьева, Г. Щедровицкого или Л. Мамфорда и Ж.Бодрийяра.

Для целей нашей работы мы сначала выделим несколько основных идеальных типов общественных групп, затем рассмотрим принципы их взаимодействия и

доступности – это этическая сторона дела (Ортега-и-Гассет писал, что идея библиотеки и необходимость в ней отпала с распространением убеждения в доступности всех текстов для всех), а ее технической стороной является всеобщность информационного отношения к миру.

Предыдущая эпоха признавала примат знаний, то есть устойчивых связных образований, складывающихся в системы за счет идеи объекта, который в них конструировался. Информация – это принципиально другая идея, другой способ представления внешнего мира: как набора или списка дискретных единиц, между которыми можно устанавливать любые отношения за счет отказа от идеи объекта и объективности. Недаром информационный мир отождествляют с виртуальной реальностью. Другими словами, идея сохранения границ как фиксации определенности связей и отношений объективного мира прямо противоречит тенденции всеобщей информатизации: дискретности и свободной рекомбинации единиц виртуального мира.

Исторически информатизация явилась результатом редукции сначала Учения в логике схоластов, потом схоластики в логике науки, а потом и науки в логике сохранения и переработки информации. Накопленная в этом процессе инструментальная мощь описаний и преобразований обрушилась на иные мыслительные и культурные миры, сводя их к бесчисленности отдельных и равнозначных единиц манипулирования.

Второй проблемой глобализации является проблема преодоления этического принципа всеобщей доступности и единственной информационной логики, проблема создания возможности строить и удерживать границы (миров, культур, способов мыслить, понимать, выражать и действовать), сохраняя ресурс разного и уникального.

Вопреки распространенному мнению, именно преодоление границ – основа свободы. С их исчезновением свобода лишается смысла, сменяясь вседоступностью. В мире без границ нет даже возможности свободы, и в первую очередь, – свободы выбора и свободы быть самим собой.

отсюда подойдем к анализу современной социальной ситуации в глобальном мире.

Думаю, что стремление сделать единицы анализа глобальных процессов более мелкими (по сравнению с формациями или классами) вызвано процессом «дисперсии» современного мира и распространившейся практики перекomпозиции представителей социальных групп в разные конфигурации по каждому отдельному конкретному поводу.

Кроме теоретических соображений, в стремлении к иному способу выделения групп лежит и личный опыт общения с представителями различных культур, наций, страт и укладов. Я убедился, что гораздо легче нахожу общий язык и интересы с теми, кто озабочен сходными проблемами и создает инструменты их понимания или разрешения, чем с представителями моей этнической, национальной, профессиональной или сословной группы. Если генерализовать этот личный опыт, то можно предположить, что в глобальном мире кристаллизуются поверх уже существующих другие формы социальной связности и интересов, в которых ориентации и интересы отдельных людей и групп приобретают уникальные организационные конфигурации. И для того, чтобы эту уникальность ухватить и описать и необходима некоторая промежуточная типология.

1. Коммунальные группы – это родственники, соплеменники, сослуживцы, театральные труппы, музыкальные группы, религиозные общины, военные и спортивные команды, художественные и ремесленные мастерские... – то есть все те человеческие объединения, где старшинство и родство, сохранение и передача традиции и заветов предков, коллективизм, разделение своих и чужих составляет основу жизни и организации робот. Стремление к созданию мира символических вещей определяет основу, а символы жизни, смерти, сила и любви составляют базовые ценности мира коммунальных групп. У этого мира есть своя эволюция, связанная с эволюцией форм представления полноты жизни (от соучастия в ритуале к включению в зрелища) или, например, форм любви – от кровнородственной к персонализированной. Механизмом эволюции стало движение от доминирования сплоченных и «сплошных» групп к разным формам их дискретной организации. Коммунальные группы – наиболее массовые и древние, и в них сосредоточен основной ресурс символов жизни, смерти, силы и любви.

2. Иерархические группы – администраторы, церковные иерархи, чиновники, армейцы, ученые, преподаватели, производители работ... – то есть те объединения людей, которые построены на идеях дистанции и подчинения, закона и порядка, измерения и распределения. Мегамашина (по Л. Мамфорду), т.е. машина из людей – это базовая форма организации иерархических групп. В рамках этого образования ты себя реализуешь как функциональную часть целого; там тебе гарантирована защита, и ты в свою очередь тоже защищаешь это целое. Мегамашина позволила за счет отчужденных форм порядка (законы, указы, переписи...), наложенных на коммунальные группы, сконцентрировать силу и власть и сделать ее содержанием жизни иерархических групп и средством их экспансии на другие социальные миры.

Эволюция иерархических групп разворачивалась от компактных, привязанных к территории мегамашин к сосуществованию многих внутритерриториальных мегамашин. Тотальность осуществления власти усиливалась при одновременном движении к дискретности ее организованностей.

3. Посреднические группы – торговцы, финансисты, транспортники... – объединения людей вокруг процессов обмена и оценки. Рынок и его инфраструктуры являются основными организованностями мира обмена. Установление цены в механизмах конкуренции, накопление единиц обмена (денег) определяют возможности экспансии этой группы на другие социальные миры. Основной мыслительный инструмент эволюции этих групп составляют идеи баланса и оборота – от установления цены на товар в рамках торгового баланса до создания многоуровневых систем оценивания в регулировании финансовых потоков. Доверие и свобода составляют базовые ценности этой группы, так как свобода обмена определяет возможности накопления и оборота, а доверие значительно снижает риски потерь. Именно эта группа породила разделение и дополнительную отчужденных механизмов инфраструктур обмена и возможности индивидуальной свободы.

4. Технологические группы – все те, кто за счет установления стандартов и оценки качества изделий и услуг обеспечивают смену нашего окружения через экспансию на все области производства и потребления. Новизна и оснащенность – основная ценность этих групп, а

циклы смены окружения определяют их эволюцию. Именно эта группа определила смену знаниевого подхода ученых информационным подходом технологов.

5. Коммуникативные группы – проповедники, журналисты, аналитики, переводчики, писатели, дизайнеры, рекламщики... – то есть все те группы, которые озабочены человеческим общением и пониманием. Создание и перевод смыслов и развитие языков их выражения и форм присвоения – основа их деятельности. Организация коммуникативных контактов через конфликты, скандалы, демонстрации несоответствий и разрывов в общественной жизни – способ экспансии на другие социальные миры. Эволюция этих групп определяется формами организации коммуникативных контактов – от включения в диалог с высшим миром в проповедях перед толпой до персонализированных форм общения у психоаналитиков.

6. Группы пределов или проблемные группы – мыслители, пророки, поэты, изобретатели, предприниматели, любители экстрима, революционеры... – те, кто озабочен прорывами за предписанные или мыслимые сегодня пределы. Смена подходов, видений, парадигм... – смысл деятельности, форма эволюции и механизм экспансии этих групп. Основной продукт их деятельности – проблемы. Именно они свои мысли и переживания оформляют как проблемы человека и общества и делают их общезначимыми.

7. Образовательные группы – мастера, учителя, тренеры, наставники – все те, кто воспроизводит или создает новую определенность человека в мире. Обретение возможностей и инструментов построения себя через столкновение с предъявленным учителем миром – смысл деятельности этих групп. Способность к рефлексии своего пути в мире – основное умение, которое создает эта группа. В современном глобальном и неопределенном мире значение этой группы становится определяющей для самого существования многообразного мира.

8. Политические группы – все те, кто взял на себя миссию соотнести, организовать в каком-то целом – государстве, нации, союзе, движении, партии... – остальные группы. Программы и стратегии, идеологии и мифы... – самые распространенные формы их работы, а компромиссы – основной инструмент практической деятельности. Легитимизация своего права на представление интересов других групп – основная проблема жизни этих групп, а найденные способы (парламент, политический альянс или союз...) – механизм экспансии.

Думаю, что я выделил не все группы, но для моих целей достаточно и данного набора типов.

Исторически та или другая из перечисленных групп доминировала в обществе и определяла его устройство. Сегодня очень грубо возможно указать на следующие типы:

- традиционное или коммунальное общество,
- мегамашинное или имперское общество,
- инфраструктурное или рыночное общество.

Остальные группы еще не получили возможность доминировать, хотя технологические или коммуникативные группы уже реально теснят конкурентов, а политические группы постоянно ищут способы надстроиться над современной ситуацией общественной трансформации.

Самый явный современный конфликт разворачивается

между традиционными и инфраструктурными обществами (мегамашинные группы временно отошли на второй план и ждут своего момента, чтобы поверх конфликтов навязать свой способ внесения порядка в социальный мир).

В первом типе общества – коммунальном – главным является долг, ритуал и выполнение предписаний сообщества, участие в сохранении общественного устройства – на этом строится вся культура и мораль. Сегодня столкновение коммунальных ценностей европейских и мусульманских групп проходит по несовместимым символам жизни и смерти, выраженные, например в идеологии террористов (с точки зрения европейцев)-смертников.

Во втором типе общества – инфраструктурном – культура и мораль постепенно от идеи долга движется к идее предоставления возможностей участвовать в общественном развитии. Формируется принципиально другая этика, другая форма организации культуры.

Впервые я осознал понятие инфраструктурности, когда был потрясен историей про американского мальчика, которого сбила машина и которого, казалось, в условиях маленького городка спасти было невозможно: у него были разорваны шейные позвонки. Однако полицейский, получивший стандартную медицинскую подготовку, оказался достаточно компетентным и понял, что ребенка трогать нельзя. Он сообщил в медучреждение, тут же было выяснено, где можно изготовить специальные носилки и как их доставить на место происшествия, а параллельно шел поиск клиники и транспорта. Через несколько часов пострадавший ребенок был в другом конце страны, ему сделали операцию и через шесть месяцев он пошел в школу. В этом случае проявились все преимущества инфраструктуры. Все завязано, и известно как к ней подключиться.

У нас это компенсируется подвигами – для такого случая нужен гениальный хирург, который бы оказался на месте и сделал бы операцию, заменив всю инфраструктуру своим телом. Поэтому в коллективистских обществах так много героев. Общество рассчитывает на то, что ты имеешь способность заместить собою разрыв в общественной ткани. И бюрократы наши отличаются от западных: они привыкли работать в экстремальных условиях, но не могут работать в инфраструктуре по ее стандартам. Индивидуум в коллективистских обществах гораздо более оснащен умениями выжить в сложных ситуациях, чем в обществе инфраструктурном, но инфраструктура делает жизнь стабильной и обеспеченной (А.Зиновьев выражает подобную мысль в парадоксальной форме: каждый русский по отдельности умен, а Россия в целом поступает неумно; каждый немец глуп, а в Германии все организовано по-умному).

В Украине идет борьба коллективистских форм

организации жизни с инфраструктурными. Она протекает не в открытом виде, как между Афганистаном и США, а на разных уровнях внутри общества, например, за систему образования. От того, какой тип общества мы будем строить, зависит тип образования – персонализированное оно будет или унифицированное, одинаковое для всех – или задающее возможность своего пути, в том числе, в мире рынка и технологий.

Идея переподготовки на протяжении всей жизни тоже является идеей инфраструктурного общества. А вот образование в течении жизни – это уже из мира образовательных групп и их все более популярной идеи страны или общества, которое учится. Коллективистские общества привыкли строить образование, предусматривающего разовый переход человека из состояния опекаемого ребенка в состоянии опекающего взрослого члена коллектива. Инфраструктура же все время меняется и требует постоянного к ней приспособления – повышения и изменения квалификации, способности менять занятия и приобретать новые знания для новой работы.

Инфраструктура открыта и ты имеешь возможность присоединиться к ней в любой географической точке. Например, в Соединенных Штатах центры науки часто находятся в сельской местности. Силиконовая Долина (США, центр мировой интеллектуальной продукции) – это группа мелких городков. Она является одним из самых мощных образовательных и информационных инфраструктур в мире. Это не совпадает с нашим представлением, что большое хорошо, большое – это насыщено. В инфраструктурном мире центры перемещаются, по сравнению с исторической традицией, очень быстро.

Инфраструктурная избыточность и инфраструктурная недостаточность – две болезни современного мира. Западный мир уже стал болеть инфраструктурной избыточностью, так как развитая инфраструктура начинает жить уже своей отдельной жизнью независимо от целей людей. Например, финансовая система устраивает кризисы независимо от того, в каком состоянии производство на территории. Это стало возможным благодаря тому, что деньги стали независимой сущностью, они перемещаются не по законам производства, а по законам финансовых игр.

Третьей проблемой глобализации является обеспечение этической и технической возможности свободно использовать инфраструктуры или изолироваться от них, обеспечение независимости от инфраструктурных болезней и потрясений и одновременно возможность входить с инфраструктурными организациями во взаимовыгодные отношения.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Если процесс глобализации рассматривать и как процесс включения в совместную жизнь, в «Ойкумену» новых групп людей с разными культурами и ценностями, то он существовал еще на заре человечества, в период становления рас, и имеет давнюю историю. Сегодня мы переживаем очередную волну его осуществления.

Глобальное взаимодействие, как представляется, осуществляется на трех уровнях регулирования конфликтов – борьбы, конкуренции, партнерства.

Самый простой способ выжить группе – это уничтожить противника. Сейчас приходится регулировать этот процесс взаимного уничтожения – появились военные блоки, договоры, правила обращения с пленными, а также

дипломатическая инфраструктура, которая позволяла препятствовать взаимному уничтожению в борьбе.

Когда стало понятно, что война не самый лучший способ создания возможностей, появился другой способ отношений – конкуренция, которая не уничтожает противника, а выталкивает его за пределы доступа к ресурсам, где он тоже может погибнуть или чаще потерять социальный статус (как у О'Генри – Боливару не снести двоих), но уже по причине неспособности или невозможности найти другой ресурс.

Конкуренция позволила миру, который ее принял, резко продвинуться. Основные инфраструктуры были созданы под конкуренцию. Финансовые, торговые

системы, железные дороги позволяли быстро совершать конкурентный обмен. Конкуренция стала символом инфраструктурного мира, который стал быстро расширяться и навязывать подчинение себе.

Сегодня уже стало понятным, что конкуренция тоже ведет к разрушениям, если не имеет определенных границ. Начали формироваться какие-то другие международные глобальные структуры, основанные на идее партнерства. Если отбросить этические моменты, то партнерство можно охарактеризовать как взаимное использование друг друга для преумножения общего ресурса.

В мире структур партнерства сейчас очень мало. В войне ресурс отнимается, в конкуренции – набирается за счет собственной силы, а в партнерстве возможно использовать ресурс другого, передавать его друг другу в нужный момент.

Пока идея партнерства используется только внутри развитых стран. Отсюда идея двойных стандартов, в которых антиглобалисты зачастую обосновано обвиняют западный мир. Развитые страны не видят партнеров, которые не входят в их узкий круг – это этическая проблема глобального мира. Если идея партнерства приобретет широкий круг сторонников, возможно, это и будет выходом из противостояния коллективистских и инфраструктурных общественных миров. Инфраструктурный мир накопил ресурсы в виде структур коммуникаций, обеспечивающих общение – мы их по-прежнему используем для конкуренции, для войны, но очень мало для партнерства.

Практически это выражается в том, что та техническая помощь, которую оказывает западный мир странам с недостаточными инфраструктурами, проводится не в партнерской идеологии, а в идеологии колониальной, прикрываясь различными формами благодетельности. Реального партнерства, желания допустить к переговорам и принятию решений представителей других миров на самом деле еще практически не наблюдается.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДОЛОГИИ

Теперь считаю возможным поставить несколько рефлексивных вопросов и сделать ряд замечаний:

1. Против чего я выступаю?

- против сведения анализа общественных изменений к одному основанию, конкретно – против экономизма и психологизма;
- против сведения к одному подходу в образовании, конкретно – против господства предметных или проектных форм;
- против развития как единственной рамки построения программ, конкретно – против господства представления о степени развитости различных стран и обществ;
- против сведения к информации коммуникативных и мыслительных процессов;
- против сведения к единому тотальному миру зрелища миров вещей, отношений и символов;

2. Что я защищаю?

- принцип не совпадения и не сведения как базовый принцип исследования процессов глобализации;
- ценность иного как фундаментальную для глобальной культуры;
- принцип одновременности не сводимых логически форм при выделении и описании феноменов общественной жизни;

Коллективистским сообществам нужно получить способность и возможность общаться с инфраструктурными сообществами, понимая, что они из себя представляют, и пытаясь использовать их ресурсы. Всем в глобальном мире нужно уметь понимать других и уметь говорить на их языке.

Процесс интеграции Украины в Европу сложен именно потому, что наше общество устроено не инфраструктурно, а нам предъявляют инфраструктурные требования, и мы их не очень понимаем. Чтобы войти в Европу, нужно в себе построить необходимую инфраструктуру и развить способность к сотрудничеству, но для этого нужно иметь собственные институты, которые будут это делать.

Ценностью для инфраструктурного общества является способность включаться в технологии и инфраструктуры: без этого качества самые выдающиеся способности остаются невостребованными. Умение включаться передается через образование и воспитание.

Четвертой, как бы интегрирующей предыдущие три, проблемой глобализации является неспособность построить разные способы и каналы включения в глобальный мир и культуру иного, отличного от своего опыта, ценностей или мышления.

Другими словами, свернуть с пути движения к единому миру уже невозможно, но и сделать его осмысленным и человеческим на существующих принципах и подходах нельзя, как нельзя и отказаться от измерений, технологий, информационного подхода, конкуренции. Отказаться нельзя, но их нужно «преодолеть и снять» в других представлениях и инструментах во имя нового мира уже сегодня.

Предполагаю, что написанное мной – только первые шаги движения к пониманию глобального мира через идеи сферной организации (так как идея некоторого целого обязательно лежит в основании наших обсуждений глобальности), которые активно обсуждались в 70-80 годы, но об этом – в следующей работе.

3. Про что я спрашиваю?

- является ли основным в методологии принцип несоответствия? Например, схема ничего не изображает, а фиксирует принципиальную не сводимость миров, позиций, пространств. Методология в этом смысле не ориентирована на измерение и счет и поэтому может дать иной подход к представлению глобального мира, а схематизация не есть проявление экранной визуальной культуры, а напротив указывает на «за экранный» мир, где главным является не смешивания в виртуальности, а ограничения в идеальности.
- Работает ли методолог всегда с «иным», положив его на схему в виде «позиции-морковки»? То есть имеется ли выход из представления современного мира как дискретного и тождественного во всех проявлениях, что следует из психологических теорий потери Другого?
- Принадлежат ли нынешние методологи к «проблемной группе» – или обеспечивают экспансию других, например, инфраструктурных или образовательных групп?
- Возможно ли существование проблемной группы в дискретной форме?

Можно ставить и другие вопросы – смысл их в том, что методология, как я думаю, имеет потенциал ответить на некоторые из основных вызовов глобализации.